

ГИПОТЕЗА “РАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА”: ПРОБЛЕМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

© 2008 М.А. Вахтина*

Ключевые слова: поведение экономического субъекта, “рациональный экономический человек”, теория максимизации, теория рационального экономического поведения, социальная среда.

Проводится критический анализ гипотезы “рационального экономического человека” неоклассической экономической теории. Показывается ограниченность теории максимизации и теории рационального экономического поведения. Делается вывод о необходимости рассматривать поведение экономического субъекта в контексте социальной среды, в которой он действует.

Давая критическую характеристику основных черт “рационального экономического человека” в неоклассической экономической теории, следует, прежде всего, остановиться на гипотезе максимизации или оптимизации и ее утилитарных основах, а также на идее о том, что в человеческой деятельности господствуют рациональное обдумывание и расчет. Эти положения, в свою очередь, основаны на методологическом индивидуализме, присущем неоклассической экономической теории в описании процессов, влияющих на индивидуальные вкусы и предпочтения.

Можно согласиться с Д. Ходжсоном, который утверждает, что “хотя в употреблении ярлыка “методологический индивидуализм” нет единообразия, ключевым элементом классических тезисов этой доктрины всегда является отказ исследовать институциональные и иные силы, задействованные в формировании индивидуальных предпочтений и целей”¹. Объяснение индивидуального поведения людей в неоклассической доктрине лишается социального контекста, а влиянию внешнего мира придается ограниченное значение. Оно проявляется в том, что индивид (часто это распространяется и на институты) только реагирует на внешние ограничители и использует благоприятные возможности, которые предоставляет окружающая среда. Таким образом, реакции субъекта на экономическую среду заранее запрограммированы и носят оптимизирующий характер. А если предпочтения за-

даны, то и выбор предопределен. Объяснение общественных явлений, свойственное неоклассическому подходу, идет преимущественно от индивида к социуму, а не наоборот, поскольку главным механизмом обратной связи не придается должного значения. При этом влияние культуры нивелируется, в том числе в плане формирования целей деятельности индивида, которые в данной модели поведения являются либо заданными, либо экзогенными относительно экономической системы. Этим обуславливаются, с одной стороны, склонность неоклассической теории к жестким допущениям по поводу индивида, а с другой - ее вневременной характер. В ней не остается места для анализа исходящих из прошлого импульсов развития и основанных на этом тенденций развития будущего.

Признание того, что цели индивида носят институциональный и социальный характер, не означает, однако, отрицания целеустремленной человеческой деятельности и признания того, что индивидуальное поведение полностью определяется этими факторами. Необходимо синтетическое объяснение, включающее в себя как личностный фактор, так и социальную структуру. При этом значение институтов не сводится только к роли ограничителей или факторов, которые позволяют судить о вероятном поведении индивидов. Как правильно отмечает Д. Ходжсон, значимость институтов и культуры заключается еще и в том, что “они играют роль в формировании

* Вахтина Маргарита Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент Тольяттинского государственного университета сервиса.

самых этих целей и оказывают влияние на последние. Такие факторы, как институциональная структура, рутина, социальные нормы и культура общества, воздействуют не только на наши возможные действия, но еще и на наше мировоззрение и на цели, к достижению которых мы стремимся”². Именно поэтому институты приобретают аналитическую значимость наряду с представлением об индивидуе. При таком подходе индивид уже не рассматривается абстрактным элементом общества, агентом, а выступает социальным субъектом, который одновременно и является созидателем, и сам создается обществом. Отвергается имеющая место в ортодоксальной экономической теории противоположность между индивидуальным и общественным. Нельзя не признать, что социально-экономическая среда оказывает существенное влияние на тип получаемой людьми информации, на ее осмысление и предпочтения так, что люди формируются окружающей их культурой и институциональной средой.

Рациональность с самого начала составляла ядро экономической теории мейнстрима, поэтому экономисты (прежде всего это касается неоклассиков) считают обсуждение идей нерационального поведения людей излишними, если не абсурдными. При этом сама категория “рационального”, которую значительно активнее изучали в рамках других общественных дисциплин, чем в экономической науке, имеет много сложных и нерешенных проблем³. Несмотря на разные редакции определения понятия “рациональный экономический субъект”, во всех из них присутствует одна идея, заключающаяся в том, что экономические агенты максимизируют нечто, обычно именуемое полезностью⁴. Рациональный экономический субъект в таком случае занимается упорядочением предпочтений в рамках своих представлений об оптимизации и максимизации, что, в свою очередь, предполагает допущение о его полном знании и несложности самой функции предпочтений. Как отмечает Д. Ходжсон, неоклассическая теория “не проводит различий между чувственными данными, информацией и знанием, а кроме того, полагает, что информация, или знания, дается опытом независимо от убеждений, концепций или теорий, которых придерживается наблюдатель”⁵.

Некоторые ключевые моменты мейнстрима в последние годы подвергаются все большей критике. Прежде всего, это касается допущения о максимизации рациональности при имеющихся или поддающихся оценке альтернативных вариантах выбора. Здесь диапазон критических оценок достаточно широк. В первую очередь, это относится к постулату о полноте и доступности информации в условиях рыночных отношений, а также к тому, что каждый человек в состоянии переработать такой поток информации и принять рационально выверенные решения.

Критики теории максимизации также отмечают тот факт, что максимизирующее поведение не учитывает неопределенность, с которой сталкиваются субъекты в процессе актов выбора. Подобного рода критика базируется на работах Ф. Хайека, Дж. М. Кейнса и сейчас поддерживается многими учеными, в том числе экономистами.

Г. Саймон, например, в рамках теории неполной рациональности подверг жесткой критике модель рационального выбора homo oeconomicus как совершенного калькулятора и предложил менее жесткую модель “ограниченной рациональности”. В теории “неполной рациональности” учитываются не только высокие информационные издержки, связанные со сбором информации о сделках и ситуацией на рынке, подчеркивается недостаточность определенных видов информации, но указывается на наличие когнитивных ограничений, вызванных сложностью обработки имеющейся информации. Разум, способность к обработке информации тоже являются редкими ресурсами, справедливо считает Г. Саймон⁶. Эти выводы базируются на исследованиях, проведенных в смежных с экономической наукой областях, прежде всего психологии.

На практике в силу вышеназванных ограничений индивид будет (независимо от того, что он по этому поводу думает) либо действовать по привычной схеме, основываясь на опыте других агентов или на уже известных фактах (а это уже движение в сторону институционального подхода), либо на основе субъективных догадок (что близко к “австрийскому” варианту субъективизма). Требование о том, чтобы индивид, принимающий решение, выбирал такое действие, которое даст наиболь-

шую пользу из всех возможных альтернативных действий, является трудновыполнимым, поскольку знание о будущем никогда не будет достаточным, чтобы выбрать одно максимизирующее действие или комбинацию действий из вызываемых ими причинно-следственных цепочек. То же можно сказать и о гипотезе максимизации прибыли на фирме. Но любое сомнение в духе теории “неполной рациональности” подвергает корректировке сам принцип максимизации, который лежит в основе модели рационального выбора. Сама же модель рационального выбора, в свою очередь, неразрывно связана с теорией равновесия, фундаментальной для неоклассики.

Когнитивные ограничения и высокие информационные издержки, справедливо отмечаемые сторонниками теории “ограниченной рациональности”, заставляют признать факт того, что фирмы и потребители стараются достичь не единственного максимизирующего, а некоего “удовлетворительного” результата. Дж. М. Бьюкенену вышеназванные ограничения позволили сделать вывод о том, что вопрос общеэкономического оптимума в условиях рынка неразрешим, поскольку знание параметров народнохозяйственной ситуации является недостаточным, существует неопределенность будущего, а субъективные оценки благ действующими индивидами не могут быть определены извне. Получается, что корректировки, связанные с теорией “неполной рациональности”, ставят под сомнение саму ортодоксальную дилемму и ключевой для неоклассики равновесный анализ. При этом критика теории максимизации в рамках “ограниченной рациональности” все же остается в рамках неоклассического подхода.

Другое направление критики теории максимизации основано на положении о том, что экономическое поведение отнюдь не всегда можно определить рациональным расчетом. Существует много фактов нерационального поведения. О правильности такого рода выводов свидетельствуют эмпирические данные, а также исследования в области психологии, когда действия людей в экономической сфере невозможно объяснить какими-либо рациональными расчетами⁷.

Ученые отмечают тот факт, что экономические явления в значительной мере зависят от результатов познавательной деятельности

экономических субъектов. При этом в неоклассической экономической теории рассматривается в основном простейший тип поведения, ориентированный на цель, а само поведение трактуется как детерминированная функция внешних факторов, влияющих на заданные предпочтения.

Надо признать, что хотя знания и информация обладают важными субъективными и индивидуальными характеристиками, сами механизмы восприятия и обретения знаний имеют общественный характер, отражают культуру и практический опыт, накопленный обществом. Так как никакая информация и никакие знания не существуют независимо от тех или иных понятий и теорий, то они не могут быть чисто субъективными. Кроме того, сам процесс познания носит социальный характер: в нем используются принятые в обществе язык и понятия, отражаются идеи и практический опыт. Поэтому проблемы информации и знаний напрямую связаны с нормами и рутинными, характерными для культуры и институтов общества, однако действия людей все же остаются только частично детерминированы средой. Хотя окружающая среда играет важную роль, она не определяет полностью то, что стремится сделать человек.

Таким образом, в неоклассической теории вкусы и предпочтения индивидов выводятся за пределы сферы анализа экономической системы и трактуются как экзогенно заданные. Это делается с помощью ограничительных допущений о фактической неизменности предпочтений во времени. При этом игнорируется тот факт, что формирование индивидуальных потребностей может происходить под воздействием социально-экономической обстановки, недооценивается связь между процессами познания и формированием ожиданий и целей, с одной стороны, и социально-культурной средой - с другой. Но как правильно отмечает Д. Ходжсон, “на любой стадии технологического развития возможно множество различных способов организации производства... у разных людей разные способности к обучению; кроме того, существуют различия в уровне культуры, а также различия, связанные с... практическим опытом рабочей силы... А коль скоро имеет место разнообразие институтов, связанных с

производством, и производственных отношений, то неизбежны и разные издержки и уровни производительности”⁸.

Если взять соотношение между экзогенно заданными целями “рационального экономического человека” и средствами их достижения, то последним в рамках неоклассического анализа уделяется значительно большее внимание. Если цели оказываются заданными, то выбор средств их достижения становится предметом пристального изучения. Кроме того, цели и средства рассматриваются независимо друг от друга. В то же время для институциональной экономической теории является очень важным процесс переплетения целей со средствами, их взаимозависимость и взаимовлияние. Именно поэтому институционализм не может занимать независимую от системы ценностей позицию. Причем речь идет не о простой иерархической структуризации, когда поставленная цель становится средством достижения другой цели, а о более глубоких взаимосвязях, когда в процессе достижения целей и приобретения нового опыта сами средства могут изменить цели. Надо, однако, отметить, что в рамках неоклассической теории давно высказывались и высказываются сомнения по поводу гипотезы заданности целей. Например, еще А. Маршалл в работе “Принципы экономической науки” указывал на влияние социальных и культурных факторов на характер индивида и его цели⁹. Однако если признать такой подход существенным, то это равносильно вызову классическому либерализму и индивидуализму, с которым неоклассическая теория традиционно ассоциируется.

Для того чтобы отграничиться от упрощенной неоклассической схемы, согласно которой в процессе обретения опыта человек просто получает больше информации, которая и приводит к изменению целей, отметим, что не существует оценки опыта, отличного от самого наблюдателя, его убеждений и особенностей мышления. Человек в конечном итоге может принимать только ту информацию, которая соответствует его представлениям и предпочтениям. К этим выводам пришли представители других общественных наук, прежде всего философии.

Следующей ключевой идеей неоклассиков с учетом всех ее особенностей является мысль

о том, что деятельностью человека управляет рациональный расчет, который и диктует большую часть поступков людей. Согласно этим подходам, вся сеть соображений человека логически последовательна и свободна от противоречий и непоследовательности. Человек не только отдает себе полный отчет в своих целях и адекватных средствах их достижения, но еще и действует как гигантский компьютер, непрерывно осуществляющий проверку и мониторинг многочисленных сложных соображений, которыми он руководствуется в своих действиях.

Данный подход подвергается жесткой критике прежде всего со стороны теоретиков социологии, психологии, политологии, а также со стороны представителей институциональной школы¹⁰. Среди экономистов неоклассиков также есть те, которые считают, что люди совершают многочисленные действия из ряда инстинктивных в силу привычки, т.е. нерационально. Если современная неоклассическая теория претендует на приложимость рационалистической концепции человеческой деятельности к исключительно широкому многообразию поступков людей, то, по мнению Парето, она применима только к ограниченному, хотя и важному классу человеческого поведения. Подобного мнения придерживается и Саймон, ссылаясь на достижения в области психологии и социологии¹¹. Конечно, надо иметь в виду, что, подвергая критике идею полной рациональности, большинство авторов не ставят под сомнение вопрос о том, что рассудок служит мотивацией и руководством для поступков. Просто в экономической сфере существует много совершаемых людьми действий, которые имеют другую природу. Поэтому очень высока актуальность разработки теории человеческой деятельности, опирающейся не только на рационалистические механизмы и предпосылки. Если даже все действия людей связывать с актами рассуждения, то правомерно утверждать, что сами эти акты чем-то обоснованы, а в конечном итоге существует некая совокупность соображений, не обусловленная никакими рассуждениями. Приходится признавать, что есть поступки, не подчиняющиеся доводам рассудка, причем их нельзя отнести к классу алогичных действий. Они продиктованы мотивами, которые, как правило, сложны и подчинены многим другим условиям.

Кроме того, человек не в состоянии полностью предусмотреть или воспринять логически последовательный ряд соображений, который можно увязать со всеми поступками. Человек не может постоянно заниматься сопоставлением всех вариантов выбора, как этого требует неоклассическая модель. Даже располагая всей актуальной информацией, нельзя провести полный расчет вероятных выигрышей при выборе каждого из вариантов. Процесс принятия решений остается в действительности достаточно сложным и не подчиняется в полной мере только сознательному обдумыванию. В той же мере, в какой существует процесс рационального обдумывания, имеет место и нерациональный процесс, связанный, с одной стороны, с бессознательным элементом человеческого мышления, а с другой - с комплексом имеющихся у человека представлений и ценностей, заданных свыше. Люди являются одновременно рациональными и нерациональными. Мотивы их поведения могут быть связаны, в частности, с категориями более высокого порядка.

Ссылаясь на Хиндеса, Д. Ходжсон пишет, что рационалистическая концепция как бы раскалывает общественное бытие на несколько частей: "Она постулирует существование сферы идей (ценностей, представлений, смыслов), сферы природы и механизма воплощения идей в сфере природы, а именно человеческой деятельности. Чтобы избежать внутренних противоречий, саму рационалистическую концепцию деятельности нельзя прилагать к сфере идей... ее можно прилагать только к деятельности в природном или материальном мире"¹². Как считает Мизес, в основе рационалистической концепции человеческой деятельности лежит "дуалистическая философия", которая в декартовском духе проводит четкую грань между природным миром и сферой человеческого мышления¹³. Таким образом, на философском уровне рационалистическая концепция человеческой деятельности предусматривает разделение мира на две части и поэтому не может объяснить действия разума, не впадая во внутреннее противоречие. В то же время, чтобы создавать основу для своих действий, люди вынуждены полагаться на свое доверие другим людям, понимание мира, который существует вокруг них.

Неоклассическая экономическая теория не проводит разграничений между действиями, которые являются результатом сознательного обдумывания, и теми, которые таковыми не являются. Да это и понятно, ведь признание этого факта означает, что расхожая идея о незыблемости индивидуального суждения подвергается сомнению. Несмотря на попытки некоторых направлений неоклассики учесть отдельные формы привычной деятельности в моделях человеческого поведения или представить механизмы принятия решений как многоуровневый процесс, все они остаются в рамках неоклассического подхода, где рациональность сохраняет господствующее положение.

В последнее время появляется много модифицированных вариантов неоклассического подхода, цель которых - снятие напряженности в критике неоклассических подходов к поведению субъекта в экономике, однако гипотеза максимизации и рационалистического поведения человека не просто сохраняется, но и продолжает занимать ключевые позиции.

В то же время рационалистическая концепция, гипотеза максимизации несовместимы с теми теоретическими воззрениями, которые общепризнанны в современной психологии, антропологии и социологии. На других позициях стоит и институциональная экономическая теория.

¹ Ходжсон Д. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003. С. 94.

² Там же. С. 106.

³ Лакатос И. Фальсификация и методология научных исследовательских программ. М., 1995.

⁴ Ходжсон Д. Указ. соч. С. 122.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ Саймон Г. Теория фирмы. СПб., 1995.

⁷ Эрроу К. Восприятие риска в психологии и экономической науке // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 82.

⁸ Ходжсон Д. Указ. соч. С. 44.

⁹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. М., 1993. С. 56, 152.

¹⁰ Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002.

¹¹ Саймон Г. Указ. соч. С. 101.

¹² Ходжсон Д. Указ. соч. С. 162.

¹³ Мизес Л.Ф. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001. С. 13.